

Юлия Славачевская, Марина Рыбицкая

ЗАМУЖ ЗА ЧЕРНОГО ВЛАСТЕЛИНА,
ИЛИ МУЖИКИ ВЕЗДЕ ОДИНАКОВЫ

ЗАМУЖЕМ ЗА ЧЕРНЫМ ВЛАСТЕЛИНОМ,
ИЛИ БОЖЕСТВЕННЫЕ КАНИКУЛЫ

•

ЗАЧЕМ ВЫ, ДЕВОЧКИ, КРАСИВЫХ ЛЮБИТЕ,
ИЛИ ОНО МНЕ НАДО?

ВЫЙТИ ЗАМУЖ НЕ НАПАСТЬ,
ИЛИ ОНО НАМ НАДО?

•

ОДИНОКАЯ БЛОНДИНКА ЖЕЛАЕТ ПОЗНАКОМИТЬСЯ,
ИЛИ БОЙТЕСЬ СБЫВШИХСЯ ЖЕЛАНИЙ!

ЗАВЕРНИТЕ КОНЯ, ПРИНЦ НЕ НУЖЕН,
ИЛИ ДЖЕНТЬЛМЕНЫ В ПРИДАЧУ!

•

БОГАТЫЕ ТОЖЕ СКАЧУТ,
ИЛИ ГДЕ СПИТ СОВЕСТЬ

•

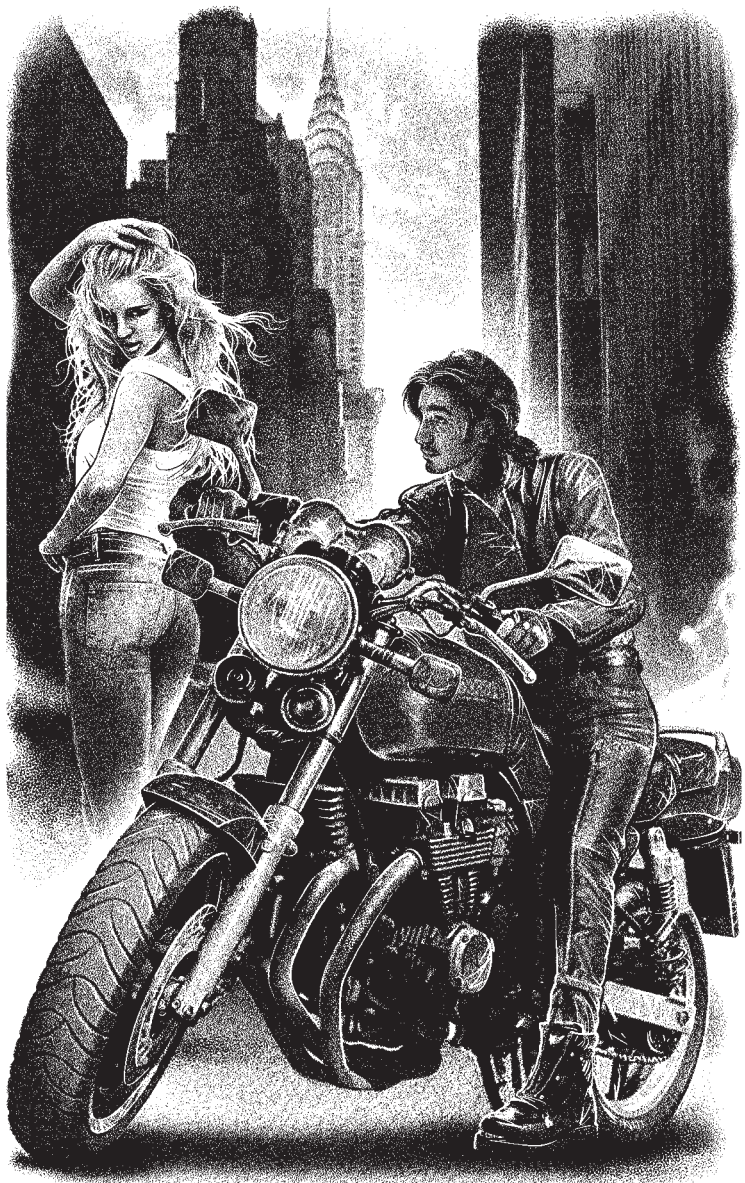
НЕПРОСТО МАРИЯ,
ИЛИ ОГОНЬ ЛЮБВИ, ВОЛНА НАДЕЖДЫ

•

ДЕВЯТЬ С ПОЛОВИНОЙ

•

ЛЮБЛЮ. ЦЕЛЮЮ. НЕНАВИЖУ. КЭМЕРОН

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Юлия Славачевская, Марина Рыбицкая

Люблю. Целую.
Ненавижу. Кэмерон

Фантастика • Любовный роман • Приключения

Роман

 Москва, 2017
ЭРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
С47

Серия основана в 2011 году
Выпуск 247

Художник
С. Бабкина

Славачевская Ю. В., Рыбцкая М. Б.
С47 Люблю. Целую. Ненавижу. Кэмерон: Роман. — М.:
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. — 281 с.: ил. —
(Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-2360-6

Можно ли жить без эмоций? Стоит ли любить без надежды? Возможно ли рассказать правду, если она опасна?

Множество вопросов для Джейн и Кэмерона, а будут ли ответы? И будут ли влюбленные вместе? Это решат судьба и время...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Славачевская Ю. В., Рыбцкая М. Б., 2017
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017
ISBN 978-5-9922-2360-6

ПРОЛОГ

Двадцать восемь лет назад

Грохот китайских шутих, фейерверков и петард буйствовал за окном. Окружающие дом деревья и кусты купались в лучах прожекторов и мягком сиянии новогодних электрических гирлянд.

Бомм! Бомм! — пробили старинные часы, и за столом раздался звон бокалов с шампанским. В доме царила радость: ожидали появления наследника хозяина дома!

Гости вкушали дорогие вина из хрустальных бокалов, деликатесы на серебряных блюдах и вполголоса переговаривались между собой, ощущая атмосферу праздника.

Первый крик новорожденного раздался в богатом особняке с колоннами на фасаде как раз в то мгновение, когда старый год сменяет новый и наступает минута безвременья. За окном мягко падал снег, засыпая землю белым пуховым одеялом, вдалеке раздавался разухабистый свист и гремела музыка.

— Что вы скажете, любезнейший? — поинтересовался гордый отец у известного астролога, стоя в щупальцах яркого заоконного света и прижимая к груди долгожданного сына. — Что сулят планеты моему ребенку?

— Это очень странно, — бормотал индийский астролог, полностью погруженный в расчеты. — Но у вашего сына нет предписанного пути. — Он поднял на молодого отца ошарашенные глаза. — Все перечеркнула падающая звезда...

— Вы шарлатан! — сдвинул темные брови мужчина, глядя на безмятежное личико младенца. — У всех есть своя

предписанная судьбой дорога в жизни, и звезды обязательно отображают этот путь.

— Только не у этого ребенка, сэр, — поправил на носу очки астролог. — У вашего сына нет ничего определенного, лишь путеводная звезда, к которой его будет тянуть всю его жизнь, и...

— Немедленно покиньте мой дом! — приказал багровый от злости мужчина, выходя из комнаты с сыном. — Вам пришлют чек на оплату ваших неоказанных услуг, но не надейтесь на рекомендации!

— Первый раз такое вижу, — бубнил астролог, не обращая внимания на угрозу и рассеянно вращая в руках листок с натальной картой. — Где же я ошибся? Как можно быть одновременно счастливым и несчастным? Победителем и проигравшим? Ничего не понимаю...

Наше время

Быстрые шаги за моей спиной. Шаги, переходящие в тяжелый топот. Мне опять, уже в который раз, снился странный сон: я в легком струящемся платье и летних босоножках стремительно убегала по темной аллее, а за мной кто-то гнался следом. Я точно знала, что он, этот безликий некто, кричит, зовет меня в ночи, но вот имени, что произносил, как ни старалась, расслышать не могла.

Я убегала от этой темной фигуры, мчалась изо всех сил прочь в липкую тьму. В этом месте после перекрестка в меня всегда больно врезалось что-то огромное, и я бесконечно долго падала-падала-падала на землю, через мгновение ощущая холодный асфальт под щекой...

— Мисс Доусон, — разбудил меня скрипучий голос сто раз перепроверенной спецслужбами горничной. — Пора вставать, если хотите успеть на все встречи.

Я медленно открыла глаза и обвела взглядом унылую безликую спальню. Ну вот. Начался еще один напряженный трудовой день.

И хотя я в принципе не хотела ничего, кроме пары дополнительных часов сна, тренированный мозг уже приступил к своей ежеутренней загрузке, сканируя доступную информацию и размещая ее по ячейкам памяти.

Итак, меня зовут Джейн Доусон. Это для публики. И «объект Ди» — для всего остального мира. Поясню: остальной мир — это спецслужбы, секретные службы и сверхсекретные службы, которые презирают первые две категории, но ничем особым от них не отличаются. Кстати, в каком качестве я представлена президенту и его советникам — не

знаю. Если честно, просто не интересовалась. Это последнее, что меня волнует на данный отрезок времени.

Вот что меня действительно беспокоит — это полнейшая безэмоциональность. Я, как оказалось, совершенно неспособна испытывать хоть какие-то чувства. Вообще. Но намереваюсь это исправить, начиная с сегодняшнего дня. Потому что у меня состоялся весьма странный разговор с одним из советников президента.

Вчера

— Мисс Доусон, — спросил меня советник по государственной безопасности, разглядывая из-под насупленных кустистых седых бровей, — вам действительно абсолютно безразлично, когда вы озвучиваете количество жертв, которые может повлечь за собой то или иное решение? Или вас так хорошо натренировали?

— Если вы читали мое досье, мистер Кречет, — равнодушно ответила я на этот выпад, — то вы уже знаете, что я не дружу с эмоциями. Проще говоря, у меня их просто нет. Есть факты и прогнозы — а чувства, с ними связанные, для меня невозможны и совершенно неуместны.

— Но это как-то неправильно, — сложил пальцы домиком советник, глядя на меня исподлобья и пожевывая седой ус. — Как можно так сухо прогнозировать человеческие жизни? Вы же не машина, мисс Доусон.

— Иногда я в этом сомневаюсь, сэр, — пробормотала я, испытывая странное ощущение неловкости. Как будто он пытался вскрыть мой мозг и посмотреть на него изнутри.

— В вашем досье написано, мэм, — не отставал от меня мистер Кречет, — что вы способны просчитать со стопроцентной вероятностью любую проблему и выдать несколько путей ее решения. Но я, — он подчеркнул «я» интонацией, — сомневаюсь, что мы можем использовать ваши рекомендации, если они сделаны без учета человеческого фактора. — Он поднялся. — Простите, мисс Доусон, но я буду ставить вопрос ребром о вашей непригодности для этой работы. Потому что то же самое нам может просчитать и компьютер. Но

компьютер, как и вы, безэмоционален — а следовательно, не человек.

— Как вам будет угодно, — кивнула я холодно советнику и покинула кабинет в сопровождении агентов охраны, размышляя над словами высшего чиновника. Во мне зародились сомнения, если так правильно назвать сосущее чувство неуверенности в своей правоте. Может, это начало постижения новой для меня отрасли науки — человеческих эмоций и чувств?

Почему я такая — не знает никто. Почему действую и живу, как хорошо запрограммированный робот? Интересный вопрос или, скорее, загадка века. Чувства умерли во мне, не родившись, или я не способна их воспроизводить?

— Мне нужны DVD-проигрыватель и диски во всеми романтическими или остроэмоциональными фильмами, — бросила я агентам, открывая дверь в свой гостиничный номер. — Срочно!

— Что вы подразумеваете под «романтическими или остроэмоциональными»? — полюбопытствовал один из моих близких теней.

— Все, что может вызвать слезы и затронуть душу, — отрезала я, скрываясь внутри. Для особо «продвинутых» пояснила: — Чем больше слез и соплей, тем лучше!

— Да нет ни одного фильма в мире, способного растопить эту глыбу льда, — пробурчал мне вслед второй, такой же безликий, агент. — Если только поставить ей под задницу раскаленную плиту и включить автоген!

Я пожалала плечами. Я такая, какая есть, но мне не нравится, когда меня уличают в некомпетентности. Прогнозирование — это то, что составляет мою жизнь, и в чем я полностью уверена. И если для этого мне нужно проливать горячие слезы в три ручья и изящно сморкаться в носовой платочек, говоря о жертвах, — значит, так и будет.

Через час в моем номере было требуемое. Мне принесли и подключили проигрыватель и выдали сто тридцать два диска и коробку бумажных носовых платков в придачу.

— Приятного просмотра, — ядовито пожелал мне агент, выходя из номера. Не оборачиваясь, присовокупил к сказанному: — Надеюсь, вам хоть что-то понравится, мисс Доусон. По крайней мере, мы все обзвонили своих жен, подруг и сестер, чтобы подобрать вам эту коллекцию.

— Благодарю! — кивнула я, засовывая в проигрыватель первый диск и включая ускоренный показ.

— У вас есть ровно два часа до следующей встречи! — строго заявила мне секретная горничная, поправляя на бедре пистолет под форменным платьем. — Поторопитесь!

— Непременно, — согласилась я, отключаясь от внешнего мира и погружаясь в мир кинематографа и выдуманных историй.

Пока я смотрела и впитывала в себя весь спектр человеческих проблем и переживаний, под дверью моего номера слонялись толпы агентов, периодически заглядывая и проверяя меня и коробку носовых платков.

— Все бесполезно, — заявил один из них. — Ее ничто не может сдвинуть с мертвой точки. Это не женщина, это скала. Наверняка сейчас уже плюнула и давно спит.

— Скала может раскрошиться, — возразил второй. — А наш объект — именно что объект, а не живой организм.

— Мисс Доусон, — снова нарисовалась настырная горничная, почесываясь через отверстия на месте рукавов бронжилета. Напомнила, вызывая мерзким тоном своего голоса зубовный скрежет, как от бормашины: — Вы опаздываете на совещание.

— Потом досмотрю, — встала я с кресла и внимательно взглянула на оставшиеся тридцать восемь дисков.

Несмотря на скептицизм агентов, вчерашний вечерний просмотр для меня даром не прошел. Пару вещей я уяснила точно: в основном все героини получали свои переживания либо через секс, либо в процессе побега откуда-то. Осталось лишь выбрать для себя, что из списка я попробую первым. Потому что хоть мне и нравилось решать множество проблем одновременно, но кое-что оставалось за кадром моей жизни. И я намеревалась это исправить!

А сегодня...

— Мисс Доусон! — заорал у меня над ухом мой персональный неугомонный дятел и будильник в одном лице в форменном платье и при пистолетах. — Не придуривайтесь! Вы уже давно проснулись!

Да, я проснулась. Сейчас встану, доползу в ванную и узрю в зеркале одну и ту же картину, которую вижу на протяжении последнего года, — смазливую мордашку с гладкой фарфоровой кожей. Девушку лет двадцати, с идеальными чертами лица, великолепными белоснежными зубами и не менее идеальными пепельными вьющимися волосами, ниспадающими до самой талии. Просто-таки идеал белой леди-переселенки!

Во мне нет изъянов. А очень хочется, чтобы были. Хотя бы один и мелкий, но мой. Но нет. Яркие бирюзовые глаза, брови вразлет, скульптурно вылепленное лицо, точеная фигура. Сплошное слюноотделение и мужской восторг. Хотелось бы его разделить, но у меня восторгов не бывает.

— Мисс Доусон! — никак не могла успокоиться неутомимая дама с тонкими губами, постоянно сжатыми в куриную гузку. — Вы не можете опаздывать! Это не принято в высшем обществе!

Вообще-то в высшем обществе принято еще и не то. За год я внимательно изучила этот социальный пласт и узнала все его потайные стороны и грязные мыслишки. Меня постоянно выводят туда на променад. Там на меня глазеют, вполне искренне вождедеют и жадно представляют, каково это — трахнуть национальное достояние. Но все это тщательно скрывается под лощеными манерами и непроницаемыми масками.

— Мисс Доусон! — верещала моя суперпупергорничная с вечно насупленными бровями и нездоровым зеленым цветом лица. — Даже ваша уникальность не заменит вам хороших манер!

Я вздохнула и выпрямилась. Да, я уникальна. Мой мозг — самый совершенный компьютер. Я могу просчитывать все: ситуации, инвестиции и последствия любых поступков. По моему желанию падают или поднимаются биржевые акции.

Все крупные финансовые вложения обычно одобряются мной. По моим советам и консультациям оценивается политическая обстановка. В общем, я знаю все, кроме...

Я не знаю, кто я. Откуда взялась. Как на самом деле зовут. И зачем живу. Зачем каждая минута моего дня расписана на много лет вперед. Почему ни в одном засекреченном архиве я не могу найти даже упоминание о себе. Вернее, не так — есть куча файлов, но самый ранний из них датирован прошлым годом. А дальше только гриф «Сверхсекретно». Ну не могла же я в самом деле родиться от союза этого грифа и бумаги, на которой он поставлен!

— Мисс Доусон! — снова занудила горничная ноль-ноль-семь, имени которой я принципиально не хотела запоминать. — Через пятнадцать минут у вас завтрак. И если вы не хотите вкушать пищу неумытой и в пижаме, то вам пора вставать.

— Доброе утро, — мужественно запретив себе дальше симулировать, вновь открыла я глаза. Все как всегда — безликий роскошный гостиничный номер, недружелюбные лица служащих и внутренняя пустота.

Помпезная кровать с кожаной коричневой обивкой изножья и изголовья, стены в оранжево-коричнево-бежевой гамме, клетчатый ковер на полу (не будем вспоминать, какого оттенка!), большие стеклянные окна, темные серые гардины из дамаста со светлыми узорами. Белый столик у одного из окон с намеком на аристократичность. Пузатые терракотовые кресла. Примитивная люстра с белыми плафонами. Такие же бра. Рядом уныло-помпезный кабинет а-ля чиппендейл, узкая гардеробная... бодряще-голубая кухня с видом на Вашингтон (единственное исключение из пятизвездочного стандарта, подозреваю, за нее государству приходится прилично доплачивать). Туалет для дальтоникиков — черно-сине-золотой. Ванна для них же — бело-розовая.

Если бы я была более эмоциональна, то от одного вида осточертевшего гостиничного дизайна могла бы завывать. Но если вспомнить в придачу ко всему забитую дешевыми синтетическими ароматизаторами слабую вонь химчистки, полиролей, запах антисептиков и казенной пыли, которые при-

ходится вдыхать день за днем, гостиничный быт становится вообще тяжело переносить.

Я потянулась, встала и пошлапала в ванную. Равнодушно уставилась на себя в зеркало. Все как всегда. Идеально. Ясные глаза, свежая кожа, прическа — волосок к волоску. М-да, а хотелось бы хоть раз проснуться опухшей и растрепанной с мужчиной в обнимку. Покосилась на унитаз. Честное слово, не удивлюсь, если открою крышку и оттуда вылезет бравый агент спецслужб, контролирующей канализацию.

И именно в этот момент я решила, с чего начну свое путешествие в нормальный человеческий мир! Выбор сделан!

— Позовите мне мистера Паррота! — крикнула я своей надзирательнице, как всегда караулящей под дверью. — Мне нужно срочно с ним поговорить!

— Это невозможно! — откликнулась горничная, скрипя зубами и ненавидя меня, себя и заодно весь мир. — Вы и так опаздываете!

— Или я поговорю с главой секретной службы и опоздаю, — заявила я в ответ, выдавливая пасту из тюбика на зубную щетку, — или не пойду совсем!

— С жиру бесится! — тихо пробурчала в сторонку рьяная служака, но что-то прокричала в рацию на своей личной азбуке Морзе. Типа Пятачок вызывает Винни Пуха, потому что Крошка Ру хочет десерта. Хм... Очень глубокомысленный шифр. Враги ни за что не догадаются.

— Мистер Паррот спрашивает, — через пару минут заорала горничная, когда я полоскала рот, — по какому вопросу?

— Скажите, что меня не устраивает отсутствие личной жизни, — любезно пояснила я, выплывая из ванной и двигаясь к накрытому для меня столику с завтраком. — Хочу разнообразить свое пребывание здесь.

И новая порция бреда по рации, что нужен ослик Иа и горшочек с медом. Первое навевало мысль о слабоумии, второе о диабете.

Пока я жевала условно съедобный завтрак, трудолюбиво перерабатывая безвкусную тепличную клубнику и резиновые оладьи с кленовым сиропом, и заодно выстраивала свою

линию поведения, в номер стремительно ворвался мистер Паррот.

— В чем проблема, мисс Доусон? — делано изумился высокий тощий мужчина, нависнув надо мной знаком вопроса. — Любой из охраняющих вас агентов будет счастлив удовлетворить любую вашу потребность.

— Да неужели? — ехидно сощурилась я, скопировав мимику одного из множества крутившихся в моей голове фильмов. Надеюсь, сейчас я не стала напоминать улыбающегося Шварценеггера-Терминатора!

— Конечно, — подтверждающе кивнул суперпуперначальник в черном пиджаке. Дернул плечом. — Я немедленно отдам соответствующее распоряжение.

— А камеры? — изогнула я бровь, следуя тактике героини из фильма. Топнула ножкой и состроила подходящее выражение физиономии. — Я не собираюсь предаваться своей личной жизни под прицелом камер и множества наблюдателей.

— Если вы выберете одного из наших агентов, мисс Доусон, — неискренне заверил меня собеседник, — камеры будут отключены.

— Я проверю и удостоверюсь, — уменьшила его фальшивый восторг подопечная.

— Всенепременно, — скис начальник. Он был прекрасно осведомлен о моих возможностях.

На том наш спор и закончился. Мне как-то не очень светило получить заработанное многомесячной службой свидание под принуждением. Но пусть меня простят будущие подопытные, я его выстрадала и заслужила.

— Отдайте, пожалуйста, все необходимые распоряжения, — заявила я мистеру Парроту, моделируя ситуацию и начиная ощущать настоящий азарт. Впервые с того момента, как я открыла глаза и узнала, что я мисс Джейн Доусон. Имя «Джейн» мне нравилось, а вот фамилия... Но еще хуже была кличка «объект Ди»! Но разве кто-то спрашивал моего мнения, когда составлял секретную директиву? Нет. И совсем зря...

— У вас сегодня важная встреча, — напомнил мне начальник всех агентов.

— И что? — буркнула я в ответ. — У меня сегодня слегка изменились планы.

Планы у меня действительно изменились, и даже не слегка. Но кому нужны детали?

— Это недопустимо, мисс Доусон! — завопила резаным подсвинком или, скорее, свиной свержсекретная горничная с шестым уровнем доступа, не сумев удержаться от критики в присутствии начальства. — У вас сегодня встреча с самим президентом!!!

— Это у него сегодня встреча с самой мной! — ядовито отрезала я. — И ему это гораздо нужнее, чем мне! — Встала из-за стола. Пристально посмотрела на стремительно бледнеющего мистера Паррота. — Вы ничего не хотите узнать по поводу этой встречи, которую вы перенесете через десять минут на основании того, что у меня свиной грипп и вирусная пневмония?

Начальник застыл с миной беженца-погорельца и памятником всеамериканскому стихийному бедствию и уже мысленно оформлял себе пособие по безработице. Молча, но по виду вполне красноречиво. Я решила, что мне нравится такое положение дел. Но отдавала себе отчет, что людям нужно давать возможность осмыслить все последствия. И потому особо не давила, сами из себя все выдают.

Я направилась в гардеробную, при этом полностью игнорируя беснующуюся каргу и соляной столп.

— Если сам президент будет обо мне спрашивать... — Тут я на минуту задумалась. — Скажите, что на интересующий его вопрос ответ — «нет». — Я потеряла пальцем нос. — И еще... Не надо принимать последний закон — это надолго подорвет экономику страны.

— Но-о, — испуганно уставилась на меня негласная надсмотрщица, — повестка вашей беседы еще не получила огласки...

Я обернулась и пристально посмотрела. В упор. Все! Вопросов и реплик в мою сторону в ближайшие полминуты не последовало. На большее нечего и рассчитывать, наша

гримза весьма вынослива, у нее иммунитет к любым моим действиям. А зря, кстати. Зря.

Мистер Паррот начал возвращать себе краски и подавать признаки жизни. Все же в чем-то фильмы оказались правы: женщины всегда выносливей мужчин. Вон горничная скачет резвой жучкой, пока начальник только прокручивает в голове сто пятый способ его устранения с должности.

И опять перезагрузка Терминатора в прямом эфире.

— Но... — вякнула горничная.

— Это вы мне? — насмешливо подняла я брови, полная решимости начать испытывать хоть какие-то чувства и ощущения. Презрительно фыркнула, поправляя утренний пеньюар: — Вы серьезно думаете, что я не знаю, по какому поводу меня беспокоят?

— Ик! Но это неслыханно! — слегка оправилась от первоначального шока икающая горничная, следуя за мной по пятам. — Ик! Что мы скажем президенту?

— Я все передам сам! — выскочил в коридор мистер Паррот. — И отдам необходимые распоряжения! Но поблажка будет исключительно сегодня, и у вас потом совсем не останется времени из-за сдвинувшегося расписания!

Ой-ой-ой, у меня уже просто дрожат коленки от такой угрозы. Интересно, что они придумают, если я откажусь сотрудничать? Лишат меня кофеина или сладкого? Им же хуже: и то и другое работает как стимуляторы мозга!

— Скажите, что я отправилась искать личную жизнь! — бесцеремонно захлопнула я у нее перед носом дверь в гардеробную. И сморщилась, с неудовольствием озирая начинку узкой комнатки. — Фу, какая гадость!

Отведенное под одежду пространство гардеробной было занято либо типичными офисными деловыми костюмами, либо вечерними платьями, отделанными стразами и перьями, мехом и кружевами. Ткани — бархат и гипюр, атлас и трикотаж. Все страшно дорогое, безумно элегантно и в реальной бытовой обстановке абсолютное неприменимое, как, например, то платье с глубоким вырезом на спине до самых ягодиц. Что поделать, другой смысл жизни объекта моей охраной просто не предусматривался.

— Наивные, — дернула я плечом и достала с нижней полки маленький, запертый на замок чемоданчик, набирая секретный код. Вытянула оттуда белую майку и потертые джинсы, приобретенные под пристальными осуждающими взглядами в одном из аэропортов. Хотя взгляды тогда относились не к джинсам, а лично ко мне, поскольку, каюсь, сбежала от охраны и послонялась по аэропорту полчаса чисто для отдохновения.

Вины за эту выходку я за собой не чувствовала, поскольку до этого по-хорошему просила провести меня по магазинчикам. Три раза просила. Но меня усадили в зале для важных персон и окружили плотной стеной из спин и задниц агентов. Через десять минут мне надоело рассматривать мужские задницы, упакованные в одинаковые черные брюки, и я попросилась в туалет. А оттуда ускользнула, смешавшись с толпой шумных туристов, и отправилась бродить по магазинам.

Пока я получала свое маленькое удовольствие, одна половина агентов поседела, вторая рвала на себе волосы, приближаясь к облысению. А у единственного лысого агента, который не мог соответствовать, затряслись руки и чуть не началась истерика. В общем, когда меня все же обнаружили меряющей джинсы, они уже были морально готовы меня убить с особой жестокостью, расчленив и свалить все на террористов.

Я загладила свою вину предсказанием о продвижении основных акций фондового рынка, и мы остались почти друзьями. Теоретически. Практически мне оплатили джинсы, майку и кроссовки — только для того, чтобы я не саботировала свое расписание и все же дошла до самолета своими ногами.

Даже секретным службам трудно объяснить, почему важную пассажирку доставляют на борт аэробуса в наручниках и под мышкой.

— Зачем вам эти дешевые шмотки? — любопытствовал один из агентов, быстро набирая на телефоне сообщение жене о том, какие акции нужно срочно купить.

— Чтобы было, — пожалала я плечами, прижимая к себе чемоданчик. — Я так хочу. — Просто в аэропорту я остро ощутила, что мне позарез нужен именно этот комплект. Скажем, в определенный судьбоносный момент сработала моя идеальная, будь она неладна, интуиция.

— Мы должны все передвинуть! — истерично вопила в рацию красная от возбуждения горничная ноль-ноль-семь, попутно закидываясь сердечными таблетками. — Мы полностью выбиваемся из расписания!

Я фыркнула и сложила приготовленную одежду аккуратной стопкой, прикрыв одним из деловых костюмов. После чего защелкнула чемодан и снова запихнула его на место.

Все так предсказуемо... Сейчас самое высшее начальство побежит докладывать более высшему, которое в этот судьбоносный момент слегка размякло в объятиях молодой любовницы и стало более добродушным. На это сверхвысокое начальство пропыхтит в трубку, что оно согласно предоставить мне отпуск... аж на полтора часа, но потом мне будет нужно наверстать все, что я так бессовестно пропустила. Дальше все пойдет по обратной цепочке и...

— Слушаюсь! — ответила на поступившее распоряжение надзирательница и устроилась под дверью, чтобы не пропустить мой торжественный выход.

Я хмыкнула и выбрала для себя обольстительный комплект: черную шелковую сорочку, отделанную золотыми кружевами. И такой же пеньюар сверху. И быстро переоделась, попутно расчесав волосы, пощипав себя за щеки для сексуального румянца стыдливости. Все же выбор партнера предусматривал некоторое смущение, которого у меня не было и в помине, но если по сценарию положено...

— Мисс Доусон, — завелась карга, как только я открыла дверь и переступила порог. Она уже успела оправиться от первоначального шока из-за моего неподобающего наряда. — Вам дается, — посмотрела на часы, до секунды засекая время, — один час двадцать девять минут на устройство своей личной жизни...

— Как мило, — иронично ответила я, отодвигая ее со своей дороги и направляясь на выход. Заметила сухо: — На-

деюсь, на сей раз вы оставите свои дурные привычки и не станете за мной подглядывать.

— Мисс Доусон, — скрипнула коронками горничная ноль-ноль-семь, — я не делаю ничего, что мне не было бы предписано. И хочу вам напомнить, что все неженатые агенты ждут вас в соседнем номере.

Воистину фантастическая оперативность! Или они к этому заранее готовились? Я напряглась, направляя свое внимание к данному вопросу, и удивленно хмыкнула: и впрямь готовились!

— Еще милее, — уныло констатировала я факт государственной случки. Ну, не так чтобы очень уныло, но я активно постаралась это чувство сгенерировать.

— Мисс?.. — Служащая снова попыталась мне намекнуть, что время пошло. Хорошо, что я не способна испытывать раздражение! Почти не способна!

Я остановилась, окинула женщину пристальным взглядом и спокойно заметила, причем не сказав ни грана неправды:

— Мисс Розен, если вы будет настолько сильно отдаваться своей службе, то вас через три года с воинскими почестями похоронят на маленьком кладбище вашего родного городка. Так что сделайте выводы и отдайтесь лучше мужчине. — После чего взялась за ручку двери и добавила: — Я вернусь ровно через три с половиной минуты, и вас здесь быть не должно! Иначе я поставлю в известность руководство, что вы срываете мой краткосрочный отдых и мешаете устройству моей личной жизни! — И вышла в коридор, не отказав себе в удовольствии хлопнуть дверью.

В соседнем номере, похожем на мой, как однойцевые близнецы, только без кухни, меня ждали пять мужчин примерно одного возраста: от двадцати восьми до тридцати пяти. Блондин, брюнет, шатен, лысый и с дредами. Скандинав, итальянец, англичанин, бразилец и афроамериканец.

Лица у всех пятерых непроницаемые. Костюмы по крою одинаковые. Даже позы идентичны. Манекены, застывшие, чтобы показать все свои лучшие стороны.

Интересно, чем руководствовались мои кураторы при критериях отбора? Неужели последней полицейской программой MG 909, которая с помощью мини-камеры отслеживает симпатию или антипатию по движениям глазного яблока донора в направлении реципиента? И что им за это пообещали?

Впрочем, я сейчас по-любому все узнаю.

Мужчины развернулись ко мне и замерли в ожидании.

Итак...

Скандинав. Был обручен. Помолвка расторгнута по его вине. Невеста вышла замуж за другого. Нетороплив и основателен. Но! Несостоятелен. Как... ну и так понятно, если невеста ушла к другому. Тщательно скрывает свой недуг и постоянно всем врет о своей неоппадающей эрекции. Надо думать, если перманентно закидываться возбуждающим в конских дозах! Интерес ко мне больше для своего раздутого эго и хвастовства между своими. Награда: повышение зарплаты.

Англичанин. Ни с кем не встречается из-за того, что тщательно скрывает свои предпочтения и очень боится, что его раскроют. Вон как потеет при включенном кондиционере. Опасается, что его любовник узнает и бросит его, а еще хуже — разболтает всем. Интересов нет никакого, просто боязнь отказаться и поставить себя под сомнение. Награда: перевод в другое подразделение.

Бразилец. Меняет девушек раз в неделю. Два раза лечился от неприятностей. Дальше можно не продолжать. Интерес количественный, поскольку все очень быстро происходит и постоянно требуется новизна. Причем не важно, как выглядит партнерша, главное, чтобы у него с ней до этого ничего не было. Награда: бесплатное обучение для его внебрачного ребенка, на которого он платит алименты.

Афроамериканец. Мускулистый красавец, но в последний раз мыл свои дреды и был в душе неделю назад, когда вернулся с задания. После этого позволил себе расслабиться и сейчас размышляет, удивят ли меня, если я его выберу, боксеры с сердечком на самом интересном месте, на котором вышито «Я люблю тебя, малыш!».

Ответ прост: не удивят, ибо мне представляется, что в его случае это не приколы или шутки, а честная констатация факта. М-да-а-а-а. Заядлый фетишист, который мечтает узнать, какое белье я ношу и как оно пахнет. Награда: повышение по службе.

И наконец, итальянец. Высокий, еще по-юношески поджарый. Черные, слегка взлохмаченные волосы. Синие глаза с длинными ресницами. Родинка над верхней пухлой губой и... страстное, неподдельное желание оказаться тем самым счастливчиком. Он единственный хотел меня ради меня и не просил за это никакой награды.

Да, я должна была выбрать не его. Кого угодно, лишь бы не его, чтобы не портить ему жизнь и не убивать мечты. Но что-то необъяснимо дрогнуло внутри...

— Агент Мано, — обратилась я к нему, заставив слегка вздрогнуть. — Следуйте за мной. — И развернулась на выход, полностью уверенная, что он неукоснительно выполнит мое указание.

Так и случилось. Следует еще упомянуть: когда мы покидали номер, раздался тихий коллективный выдох. И как тут не воспользоваться моментом?

Я глянула через плечо на четырех расслабившихся мужчин и, мило улыбнувшись, пропела:

— А вы в следующий раз! — не уточняя, кто из них именно и когда. Пусть получают заряд бодрости.

— Джейн, — начал говорить мужчина, как только за нами закрылась дверь моего временного обиталища.

— Тсс! — приложила я палец к его губам. — Не надо слов, Кэмерон. Просто раздевайся. — И взглянула в ближайший угол. Красный огонек камеры погас. Молодцы, благо разумно не стали меня дразнить. Впрочем... Я пробежалась глазами по номеру. В одном случае плеснула в угол виски и заклеила любопытствующее окошко жвачкой. В другом — вырвала и наступила каблуком. Потом, тяжело вздохнув, собрала в горсть пучок остальных записывающих устройств и смыла в унитаз. Еще раз обвела взглядом помещение: ничего не упустила? Чисто.

Значит, сейчас за нами наблюдения нет. Прекрасно, не будем терять время.

— Ди, — снова попытал счастья мой избранник, не сводя с меня напряженного взгляда и стаскивая с себя пиджак. — Нам...

Я глубоко вздохнула, толкнула Кэмерона на уже заботливо расстеленную постель и запрыгнула на него, неумело прижимаясь губами к слегка приоткрывшемуся от удивления рту. И пока агент ловил кайф, драйв или еще что-то там — быстро нажала на специальные точки, вырубая его сознание.

Зря мне подсунули для просмотра несколько боевиков. Там были такие возможности выучить кучу грязных приемов. Да что это... Я сейчас точно знала, как и когда делают сеппуку и как перерезают горло. Как свернуть шею противнику, попасть по гениталиям, вырубить или убить. Умение пользоваться автоматическим оружием я даже не считаю, это само собой.

— Прости, — прошептала я, отстраняясь и прикрывая его простыней, — но это мой единственный шанс побыть одной и хоть как-то изучить окружающий мир.

Конечно, очень глупо что-либо объяснять бессознательному человеку, но мне было не все равно. В груди защемило от незнакомого чувства сожаления, во рту появился привкус вины. Допускаю, что я не так безнадежна. Но если секс в моей жизни все еще предусматривался, то побег был возможен исключительно сегодня.

Я быстро спрыгнула с кровати, мотнулась в гардеробную, где мигом переоделась и схватила маленький, заранее подготовленный рюкзачок, в котором до этого хранилась моя косметика. После выскочила на балкон, бросив последний грустный взгляд на мужчину, раскинувшегося на моей кровати.

На балконе я оценила ситуацию и довольно усмехнулась.

Вот зря они выбрали суперзащищенный отель с кучей украшений на фасаде. Естественно, я без проблем залезла на крышу, пробежала наискосок и спустилась в подсобные помещения. Там быстро натянула на голову бейсболку с лого-

типом отеля и такую же курточку и преспокойно отправилась вниз, выйдя через черный ход.

Конечно, я пропускаю кучу просчитанных или созданных мной сторонних моментов и действий, как то: суп, случайно пролитый официантом, что на долю секунды отвлекло моего бодигарда, а также привлекло внимание охраны при видеопросмотре. Загоротившую розетку в девяносто девятом номере. Скандал между супругами этажом ниже моего в номере напротив, недоразумение между постояльцами в холле, время прохода всех спутников-шпионов и невозможность увидеть меня с помощью их камер... и так далее.

И меня никто не остановил. Хотя разглядывали. Но все больше грудь и филейную часть, которой я резво покачивала, увеличивая скорость шага, пока не скрылась на ближайших улицах.

Я медленно шла, зная, что у меня есть время, и крутила во все стороны головой, рассматривая город, в котором оказалась. Как много городов я знала лишь по отелям и видела из окошка быстро едущей по центральным улицам машины!

— Эй! — окликнул меня разухабистый развозчик пиццы в лихо заломленной кепке, симпатичный и непосредственный. — Куда спешит такая привлекательная девушка?

— Девушка еще не знает, — широко улыбнулась я, демонстрируя дружелюбие. — Она только приехала в ваш город и хотела бы осмотреть достопримечательности. Посоветуешь, с чего начать?

— Начни с меня, а? — усмехнулся паренек, шутливо кланяясь. — Я — Марио. Через полчаса освобожусь и могу показать тебе город. Если, конечно, захочешь.

— Почему нет? Я... — Хотела назвать чужое имя, но уже сорвалось с языка невольное: — Ди. — Я пожала плечами в недоумении на такую личную глупость, принимая протянутый мотоциклетный шлем и усаживаясь сзади парня. Приключение началось. И тут кольнуло незнакомое ощущение, похожее на чувство... вины? — Но у меня нет денег.

Вот как знала: что-то забыла! Я отмахнулась от назойливо жужжащей мысли, не желая сейчас портить себе малень-

кий отпуск. Конечно, мне придется вернуться назад, иначе меня будут искать все, кто может, и еще вдогонку припрягут тех, кто не может, чтобы те сделали за первых всю работу и отдали честно заработанную славу. И случится это ровно через двадцать два часа, а до той поры я пока могу наслаждаться тем, чего у меня никогда не было... или я просто этого не помнила.

— А у кого из нас они есть? — весело рассмеялся Марио, показывая белые крупные зубы. Залихватски подмигнул. — Может, я и не миллионер, но для красивой девушки у меня хватит на мороженое и бокал кьянти!

— Тогда вперед! — обняла я его за талию, прижимаясь к легкому, сухощавому торсу и зная, что с ним я получу замечательное приключение, ничем не грозившее моей безопасности. — Покажи мне этот мир, красавчик!

— Держись крепче! — предупредил меня юноша, срываясь с места. — Мы полетим, чтобы стать свободными!

Мне в лицо бил ветер, оставляя на губах вкус дорожной пыли, морского бриза и свободы. Сейчас мне было хорошо. Нет! — замечательно, восхитительно и великолепно! Как будто пали стены тюрьмы и горизонт стал чистым и практически безоблачным. И только одно омрачало это светлое чувство. Кэмерон.

— Хочешь что-то выпить? — полюбопытствовал Марио, подъезжая к небольшому бару на набережной.

— Вишневый сок, пожалуйста, — сделала я свой выбор.

— Для такой красивой девушки хоть звезду с пальмы, — улыбнулся паренек, помогая мне сойти с мотоцикла и провождая в бар, где сделал заказ. И я тут же облила свою белую майку красным соком.

— Боже! — воззрилась я в ужасе на расплывающееся красное пятно. — Как я теперь буду ходить?!!

— Да не нервничай ты так, — утешил меня Марио. — У меня в сумке есть запасная чистая футболка. Тебе, конечно, будет великовата, но это лучше, чем ходить в мокром.

Вот так я обзавелась темно-синей футболкой с принтом «Хочешь поесть? Спроси меня где!» на груди. А в баре мне подарили роскошную широкополую шляпу из белой соломы.

ки после того, как я обыграла бармена в дартс и переорала музыкальный автомат.

— Хочешь мороженое? — протянул мне начинающий подтаивать рожок с лакомством Марио. — Ванильно-шоколадное.

— Спасибо, — поблагодарила я, благоговейно разворачивая золотистую липкую обертку.

Я, которую кормили из самых дорогих и шикарных ресторанов, которая перепробовала все мыслимые и немыслимые деликатесы, перед которой заискивали знаменитые шеф-повара, соревнуясь в высоком искусстве кулинарии, слизывала с пальцев тающее дешевое мороженое за доллар и наслаждалась так, как будто ничего в своей жизни слаще не ела.

Этот бар, напоминавший собой старую хижину, где на потрескавшихся, потемневших от времени бревенчатых стенах висели тканые вручную яркие разноцветные коврики, а с потолка свешивались плетеные корзины с чесноком, луком и яблоками, стал оплотом моей свободы на почти целые сутки. Он не был моим домом, и не мог им быть, но стал временным безопасным пристанищем моего сердца, которое, оказывается, могло биться гораздо чаще, и не только в силу физиологии.

— Марио! — ввалилась в бар компания шумной молодежи, одетой в пестрые цвета, от которых становилось радостно на душе, но рябило в глазах. Какое отдохновение от черных, синих и серых тонов, принятых в том скучном, унылом мире, куда меня заточили. — Что ты делаешь?

— Учу играть Ди на бильярде, — откликнулся хихикающий юноша, потирая живот, в который я нечаянно заехала кием, отрабатывая удар. — Присоединяйтесь!

День прошел великолепно. Я тусовалась в компании молодежи, готовой на любые приключения, потому что молодость отчаянна и бесшабашна. Перепробовала кучу коктейлей, пару раз затянулась сигаретой, пробежала по кромке воды и намочила джинсы. Выслушала тысячу прикольных историй... и все это время меня изнутри точило чувство вины. Я целенаправленно и достаточно подло подставила

Кэмерона. И мне еще предстоит разбираться с последствиями своего поступка.

— Чего скисла? — толкнула меня локтем маленькая веснушчатая Лисса, сидящая рядом со мной на причале, пока остальные мелкие итальянско-англиканские отпрыски пытались поймать рыбу на леску, используя для наживки пиццу.

— Нужно возвращаться, — тяжело вздохнула я, поднимаясь на ноги и отряхиваясь от песка. — Мои опекуны уже наверняка волнуются.

«Опекуны» уже не просто волновались, а должны были стоять на ушах, бровях и всем, что еще у них могло стоять вообще. Разумеется, за исключением того, что было на это действие запрограммировано природой.

— Марио! — крикнула Лисса. — Сможешь отвезти Ди в отель? Ей срочно надо!

— Конечно! — махнул рукой паренек, двигаясь в нашу сторону. Взглянул на меня. — Может, еще останешься? Мы собирались костер разжечь...

— Не могу, — закусил губу. — Довези меня, пожалуйста, до того места, где подобрал. Дальше я сама дойду, а тебе попадет от моих опекунов.

И не просто попадет. Тебя схватят, просветят рентгеном и начнут допрашивать с применением спецсредств, какие страшные тайны я тебе на досуге раскрыла.

Как узко мыслит обычный секретный агент... Мне что, больше не о чем было с Марио говорить? Только о государственных тайнах?! Или это единственная приемлемая тема обсуждения? Угу. «А сейчас, в промежутке между двумя коктейлями, я расскажу тебе, Марио, страшную тайну — один из очень высокопоставленных и богатых людей любит носить стринги, когда танцует румбу с одним из дежурящих в это время охранников». Фи. Подумаешь, секрет Полишинеля! Его все горничные отелей страны от Вайоминга до Аляски, не считая иностранных пятизвездочных отелей, знают!

Или что в кабинете у еще одного влиятельного лица есть потайная дверь, ведущая в комнату с кнутами и плетками, в которой он любит развлекаться с дорогими проститутками.

И об этом никто-никто не знает, только шепчутся по углам. Ну да... разве что пальцами в него не тычут!

— Тогда поехали, — грустно улыбнулся юноша, провожая меня к своему старенькому мотоциклу и снова протягивая шлем. Он посмотрел на меня и признался: — Мне бы хотелось, чтобы ты осталась со мной, Ди. — И опять печальная усмешка. — Но ты другая. — Он попытался объяснить: — Ты ведешь себя так странно. Как будто никогда ничего такого не пробовала и не испытывала. Хотя при твоей красоте перед тобой должен лежать весь мир.

— Он и лежит, Марио, — тихо сказала я, надевая шлем. — Только я не хочу такого мира. — И уселась к нему за спину, уткнувшись лицом в нагретую солнцем и молодым, разгоряченным телом футболку.

Марио довез меня до места и соскочил с мотоцикла, намекаясь проводить до отеля.

— Не надо, — мотнула я головой, пряча глаза. — Слишком опасно. — И стянула с себя темно-синюю футболку, сунув ему в руки и натягивая свою приметную испачканную майку. — Спасибо.

— Оставь себе, — недоуменно уставился на меня парнек. — Как память.

— Память всегда со мной, — криво улыбнулась я. — Этого никто у меня отнять не сможет. А футболку лучше заberi, чтобы через нее на тебя не вышли. Зачем тебе лишние проблемы?

— Проблемы? — поразился Марио. — О чем ты говоришь? Какие могут быть у меня проблемы из-за того, что я одолжил тебе футболку?

— Большие, — подняла я на него глаза. — Поверь, ты не захочешь о них знать. И вообще, спасибо тебе за сегодняшний день. Мне было очень, очень хорошо.

— Всегда пожалуйста, Ди, — воодушевился парень. — Только свисти — и я к твоим услугам.

— Я не умею свистеть, — невольно смутилась я.

Парень стоял, переминаясь с ноги на ногу и глядя на меня влюбленными глазами. Молодой итальянец признался с улыбкой:

— С тобой так хорошо, что не хочется уходить...

Столько душевного света, тепла, бескорыстной симпатии и харизмы, но... Я помолчала, сканируя эфир, и сказала, жестко глядя ему в лицо (надеюсь, парень услышит и поймет):

— Запомни одну вещь, Марио. Через двадцать четыре дня к тебе придет друг и предложит замутировать одно выгодное дело. Если ты откажешься, то проживешь долгую и счастливую жизнь. Если согласишься, то умрешь в возрасте тридцати одного года в тюрьме строгого режима. Помни об этом и сделай правильный выбор, — наклонилась к нему и коснулась губами его небритой щеки. — Прощай, Марио, и будь счастлив.

— Кто ты, Ди? — крикнул он.

— Потом узнаешь, — не оборачиваясь, бросила я через плечо, удаляясь. Махнула рукой. — Забудь, что ты меня когда-нибудь видел.

Я отошла и долго глядела ему вслед, прощаясь не столько с ним, сколько со своей такой короткой свободой. И как только Марио исчез в толпе, я подняла голову к стремительно темнеющему небу и глубоко вздохнула.

Да, мне пора возвращаться, хотя у меня еще было время. Но времени совсем не осталось у группы детей, направляющихся на экскурсию в музей, который злоумышленники намереваются захватить и ограбить. Несмотря на мою кажущуюся бездушность, мне не все равно. Именно поэтому я пожертвовала частью своего побега. Но кто скажет мне за это спасибо, кто? Уж точно не мое начальство.

Я спокойно прошествовала оживленными улицами к отелю, разглядывая зажигающиеся витрины, и вышла на площадь, оцепленную полицией и секретными службами. Все вокруг мигало и переливалось красно-синими огнями полицейских машин. Бегали и суетились люди, надрываясь криками в рации.

— Мэм, — повернулся ко мне один из копов, когда я приблизилась к оцеплению. — Вы ранены? — скользнув взглядом по моей заляпанной соком майке.

— Нет, — качнула я головой. — Это сок. Вишневый.

Полицейский разочарованно отвернулся.

Я осторожно коснулась его рукава:

— Позовите, пожалуйста, любого из агентов. Скажите, что пришла Джейн Доусон.

Темноволосый мужчина средних лет окинул меня суровым взглядом, поджал губы и сердито заявил:

— Не знаю, откуда вы взяли закрытую информацию, мэм, но это не смешно. Идите подобру-поздорову, пока вас не привлекли.

— Офицер Рэй Редсон, — вернула я ему точно такой же взгляд. — Вы родились сорок пять лет назад в тихом местечке под Чикаго. Ваша мама, Лилиан, осталась вдовой в возрасте тридцати восьми лет, потому что ваш отец погиб на службе, закрыв собой маленького мальчика... У вас жена Кимберли и трое детей: Кейт, Мелвин и Вилсон. Есть еще внебрачные дочь Ребекка и сын по имени Квентин, их мать зовут...

Коп поменялся в лице и начал что-то громко орать в рацию, судорожно сжимая ее в руке. И тут все завертелось в мгновение ока.

Меня молниеносно окружила стена из агентов, прикрывших мое тело, как будто на него хоть кто-то покушался, кроме них.

— Мисс Доусон, — прорвался ко мне суперпуперначальник. — Вы ранены?

— В самое сердце, — серьезно ответила я. — Причем исключительно вашим отношением.

— Обследовать! — приказал этот мегазасранец, и меня потащили к докторам, которые радостно потирали ручки в перчатках и нацеливали на меня шприцы, рентген и все, что могли удержать в руках.

— Я в порядке, — сообщила я им. — И если кто-то ко мне подойдет, то я буду считать это насилием над личностью и приму соответствующие меры!

Какие меры я буду принимать — естественно, не сказала, оставляя все на их фантазию. Ибо нет худшего страха, нежели придуманный.

Меня оставили в покое и запихнули в машину, перевоза в другой, еще более секретный отель, где сдали с рук на руки

новой горничной ноль-ноль-восемь. Старая три часа назад подала рапорт об отставке и собиралась уехать в свой родной поселок, чтобы выращивать там кукурузу и устраивать свою личную жизнь.

— Мисс Доусон, — таким же противным голосом, как и предыдущая надсмотрщица (это один из негласных критериев отбора), занудила горничная-агент. — Вам следует привести себя в порядок и поужинать. Вечером у вас запланированная встреча, которую невозможно отменить.

— Я хочу, чтобы на эту встречу меня сопровождал агент Мано, — спокойно отразила я ее неприязнь. — Иначе randevu не состоится.

— Вы не в том положении, — показала мне в оскале фарфоровые коронки дама (второй критерий отбора — вставные зубы. У меня еще не было ни одной горничной со своими кусалками), — чтобы ставить условия.

— Это вы не в том положении, — поставила я ее в известность. — Я могу нагнуть вас в очень неудобную позу, если вы не доложите о моем условии вашему начальству. — И спокойно ушла в ванную.

— Мисс Доусон, — поскреблась она ко мне через семь минут. — Агент Мано был отстранен от службы и находится под следствием. Он обвиняется в пособничестве вашему побегу и ненадлежащем исполнении своих служебных обязанностей.

Это я и так знала.

— Значит, верните его назад! — приказала я ничтоже сумняшеся. — И быстро!

За дверью снова начались переговоры. Через восемь минут, когда я оттуда вышла, меня уже ожидали три взъерошенных начальника и один лысый, но самый важный.

— Мисс Доусон, — завел свою шарманку важный. — Вы ставите под сомнение мое распоряжение по поводу расследования деятельности агента Мано...

— Я ставлю под сомнение, — нагло перебила я его, — не только ваше распоряжение, но и обстоятельства, при которых вы получили вашу должность! — Прищурилась. — Или мне нужно вам напомнить о вашей...

— Нет! — сразу стал покладистым лысый, стремительно краснея и вытирая плешь большим клетчатым платком. — Я еще раз пересмотрю все обстоятельства дела и, возможно, приму другое решение!

— Вы уж постарайтесь, — оскалила я зубы. — И чтобы вам не было скучно совещаться... — Рассказала им о детях и музее. Подождала, когда они переварят, и добила: — Мистер Лестер, ваша внучка, кажется, собралась поступать в колледж?

— Д-да-а-а, — с запинкой подтвердил один из взъерошенных. — А что?

— Вам следует поменять ее выбор, — спокойно ответила я, изучая нервно дергавшегося мужчину. — Иначе она свяжется с поставщиком наркотиков и вместо колледжа окажется в лечебнице. — Я выдержала пару минут в томительной тишине и добавила: — И я не думаю, что хоронить единственную внучку в возрасте двадцати трех лет увлекательное занятие.

— С-с-спасибо, Джейн, — тихо сказал мистер Лестер. — Я учту ваш прогноз.

— Это в ваших интересах, — невозмутимо пожалала я плечами, — и лучше учтите мое требование по поводу агента Мано. Иначе я могу ведь и не сказать вам о будущем... — За молчала, оставив многозначительную паузу.

После моего заявления все четверо переглянулись и уехали на новое совещание. Я воспользовалась моментом и аккуратно уложила себе волосы феном. После этого оделась в легкое шелковое платье. Накрасилась с долей умеренности. Скромно поужинала кусочком сырного пирога с чаем и фруктовым салатом под пристальным присмотром горничной, сопровождавшей глазами каждый съеденный мной кусок. Мне принесли восемь видов сока, но я его даже не пригубила.

— Ваша просьба отклонена, — прискакал ко мне в номер один из безликих взъерошенных начальников, — как недопустимая!

— Это был приказ, — хладнокровно поведала я ему, отодвигая от себя сок. — И скажите своему начальству, что еще

один раз они добавят мне в питье средство для подавления воли — и будут очень бледно выглядеть! Напоминаю вам вновь: я хочу, чтобы на встречу меня сопровождал агент Мано. И точка!

Начальник возмущенно хрюкнул и сбежал на доклад.

— Вы еще не поняли, что я говорю серьезно? — бросила я ему вдогонку. — Тогда сами разбирайтесь с хакером, который через три часа взломает охранную систему одного из крупнейших банков и сольет деньги вкладчиков в офшоры.

Но, как я и ожидала, положительное решение важного начальства было заблокировано еще более важным начальством, не терпевшим принуждения со стороны подчиненных. Единственное, на что они согласились, — это не привлекать Кэмерона к уголовной ответственности.

— Вам пора на встречу! — возникла рядом со мной седьмым кругом ада Данте горничная с безупречной репутацией, известной нанимателю, и маленькими грязными секретами, ведомыми исключительно мне.

— Ну если так, хорошо... — пошла я на выход в сопровождении других агентов и лысого начальника, державшегося от меня подальше. Правильно, а то я еще и не такое могу о нем озвучить. Могу ведь и что-то перепутать, будучи на нервах. И вот тогда будет взвод спецназа искать пятый угол в Бермудском треугольнике.

— Итак, — сообщила я всем в лимузине, поправляя на себе элегантно-серебристо-голубое платье, — вы решили, что можете игнорировать мои требования. Это недопустимо, и вы сегодня в этом убедитесь! — И замолчала.

Конечно, никто не принял меня всерьез, списав все на женскую нелогичность. Я так и видела, как крутятся шестеренки в мозгу у начальства, перебирая все возможности моего саботажа. Они ошиблись. Как всегда.

Когда мы прибыли в назначенное место и над моей рукой склонился импозантный мужчина с финансовым блеском в глазах, я мило улыбнулась и промолчала.

Клиент вежливо сопроводил меня к креслу и задал первый интересующий его вопрос, за который он отвалил немалую сумму. Которая, кстати, не вся шла прямым ходом в государ-

ственный бюджет. Можно сказать, совсем не вся... а если совсем уж точно — большей частью не туда...

Я улыбнулась, хлопнула ресницами и промолчала.

Клиент удивленно воззрился сначала на меня, потом на оцепеневшего начальника, следом на охрану и повторил свой вопрос.

Я улыбнулась, хлопнула ресницами, сложила руки в замок на коленях и опять промолчала.

Мужчина крикнул, наклонился ко мне и спросил:

— Вы хорошо себя чувствуете, мисс Доусон? Может, мне повторить свой вопрос?

Я улыбнулась, хлопнула ресницами, закинула ногу на ногу и промолчала.

— Вы можете мне хоть что-то объяснить? — вскочил с места клиент и потопал к начальнику. — За что я заплатил немислимую сумму? За ее молчание?

— Мы сейчас уладим этот вопрос, — съезжился начальник и бросил в мою сторону затравленный взгляд.

Я улыбнулась, хлопнула ресницами, подмигнула ему и промолчала.

— Разрешите мне поговорить с ней наедине пару минут, — сдался лысый, становясь подобострастным просителем. — И мы все уладим. Обещаю!

Как же! Уладит он.

— Только пару минут, — предупредил его злоющий клиент и удалился в другой угол комнаты.

— Мисс Доусон, — наклонился ко мне начальник, — ваше поведение недопустимо! Вы нарушаете наши договоренности!

— Это вы нарушаете свои обязательства! — разомкнула я губы. — Когда мы заключали соглашение о сотрудничестве, мне было обещано выполнение всех моих просьб и требований. За последний год вы восемнадцать раз нарушили это соглашение. Но сейчас я не уступлю. Рядом со мной должен быть агент Манго.

— Это невозможно, — прошептал мне лысый. — Он отказался.